

О ТЕНДЕНЦИЯХ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПО ДЕЛАМ ОБ УБЫТКАХ

А.А. ЯГЕЛЬНИЦКИЙ

Ягельницкий Александр Александрович, доцент кафедры гражданского права МГУ им. М.В. Ломоносова, кандидат юридических наук, магистр юриспруденции (РШЧП).

Автор анализирует изменения в российской судебной практике по делам об убытках в 2017 - 2018 гг. и заключает, что Верховный Суд РФ, хотя и весьма осторожно, допустил взыскание чистых экономических убытков, а также предпринимает усилия для более внимательного отношения к обоснованию вывода о наличии или отсутствии причины в тексте судебного акта по делам о взыскании убытков.

Ключевые слова: чистые экономические убытки, солидарность, субсидиарность, причинно-следственная связь.

Право возмещения убытков является необходимой составляющей нормального функционирования правопорядка. Закон может качественно регулировать, например, вещное право, но все успехи в регулировании могут быть перечеркнуты неудачным применением судами норм о взыскании убытков. В значительной мере такой была ситуация в российском праве примерно до 2011 г.: уже много раз было сказано, что господствовавшая на тот момент практика перечисления судами состава гражданского правонарушения и вывод о том, что истец состава не доказал (во многих случаях - без уточнения, что именно не доказал истец), в значительной степени ослабила убытки как средство гражданско-правовой защиты <1>. Это стало причиной гипертрофированного развития институтов, которые по большому счету задуманы как второстепенные средства правовой защиты: неустойки и компенсации, предусмотренные Гражданским кодексом (ГК) РФ и другими законами за различные виды гражданско-правовых нарушений. Барьер в виде очевидного завышения бремени доказывания, возлагаемого на истца, постепенно начал ослабевать в 2011 г., когда Президиум ВАС высказался за доказывание убытков с разумной степенью достоверности <2>.

<1> Применительно к чистым экономическим убыткам в иностранной литературе обсуждается аргумент об "открытых шлюзах": дозволение взыскивать чистые экономические убытки приведет к наводнению судов исками и к чрезмерной осмотрительности участников оборота, которые будут опасаться каким-либо своим действием причинить вред; в российском праве действовавшие до 2011 - 2016 гг. подходы к доказыванию убытков приводили к противоположной ситуации: шлюзы были почти герметично задрены.

<2> См. также: Концепция развития гражданского законодательства Российской

Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009) // Вестник ВАС РФ. 2009. N 11. Ч. II. П. 5.1.

Эта идея была воспринята и законодателем, и последовавшей судебной практикой. В [Постановлении](#) N 25 <3> были закреплены две центральные идеи: во-первых, размер убытков доказывается с разумной степенью достоверности, во-вторых, в иске о взыскании убытков не может быть отказано по одной только причине недоказанности их размера.

<3> [Постановление](#) Пленума ВС РФ от 23.06.2015 N 25 "О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации".

Интересно, что менее года спустя, при разработке [Постановления](#) N 7 <4>, соответствующие положения [Постановления](#) N 25 были уточнены с тем, чтобы исключить возможность двоякого толкования некоторых аспектов. Так, [п. 12](#) [Постановления](#) N 25 устанавливал следующее правило: "Размер подлежащих возмещению убытков должен быть установлен с разумной степенью достоверности. По смыслу [пункта 1 статьи 15](#) ГК РФ в удовлетворении требования о возмещении убытков не может быть отказано только на том основании, что их точный размер невозможно установить. В этом случае размер подлежащих возмещению убытков определяется судом с учетом всех обстоятельств дела, исходя из принципов справедливости и соразмерности ответственности допущенному нарушению". Эта формулировка допускала некоторую неопределенность в вопросе о том, в какой момент суд переходит к взысканию убытков исходя из принципов справедливости и соразмерности: выражение "точный размер", использовавшееся во втором предложении, могло быть истолковано как "размер, доказанный с разумной степенью достоверности" или как доказанная точная сумма убытков. [Постановление](#) N 7 с учетом введенного в действие [п. 5 ст. 393](#) ГК эту неясность исключило: в [п. 4](#) Верховный Суд воздержался от указания на "точный размер", предоставив суду возможность определить сумму взыскания исходя из принципов справедливости и соразмерности лишь при недоказанности убытков с разумной степенью достоверности.

<4> [Постановление](#) Пленума ВС РФ от 24.03.2016 N 7 "О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств".

Кроме того, [Постановление](#) N 7 явным образом декларировало не выраженное ранее правило о том, что причинно-следственная связь доказывается истцом также с разумной степенью достоверности. По всей видимости, авторы [Постановления](#) планировали распространить это правило и на внедоговорное причинение вреда, поскольку данное в [п. 5](#) разъяснение технически относилось не только к [ст. 393](#) ГК, но и к общей норме [ст. 15](#), определяющей и внедоговорные, и договорные убытки.

Таким образом, к 2016 г. законодатель и Верховный Суд закрепили набор правил, сделавших невозможным столь распространенный до этого подход нижестоящих судов, вследствие которого решающую роль в делах об убытках играли нормы процессуального права о доказывании, а не материальное право.

Правила о доказывании "с разумной степенью достоверности" и о невозможности отказа в иске в связи с недоказанностью размера вреда положительно сказались на практике: если раньше массив судебных актов о недоказанности размера вреда посылал участникам оборота, пострадавшим от причинения вреда или нарушения договора, недвусмысленный сигнал об оставлении надежды, то после 2015 - 2016 гг. осмелевшие истцы, кажется, стали чаще ставить перед судьями более сложные вопросы материального права. Не всегда удачные ответы нижестоящих судов на эти вопросы привели к появлению практики Верховного Суда по соответствующим элементам института возмещения вреда и в определенной степени повлияли на интерес гражданско-правовой доктрины к вопросам убытков.

1. Чуть более генеральный деликт. Достаточно долгое время в российской науке права сохранялась достаточно необычная ситуация по вопросу о генеральном деликте. С одной стороны, господствовала позиция о том, что российское право строится на принципе генерального деликта. С другой стороны, существовало достаточно много публикаций, указывающих на то, что для возникновения деликтного правоотношения необходимо нарушение абсолютного права истца <5>.

<5> Подробнее см.: Евстигнеев Э.А. [Принцип генерального деликта: современное состояние](#) и перспективы применения // Вестник гражданского права. 2017. N 4. С. 45 - 83; N 5. С. 55 - 84.

Нельзя не признать, что российский закон дает некоторые основания для второго суждения. [Статья 1064](#) ГК, являющаяся основной нормой о внедоговорном причинении вреда, устанавливает, что возмещается вред, "вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица". [Статья 15](#) ГК, содержащая общее понятие убытков, определяет кредитора по требованию об убытках как "лицо, право которого нарушено".

И понятие имущества, данное в [ст. 128](#), и учение о субъективном гражданском праве (с прибавлением [п. 3 ст. 308](#)) достаточно прямо приводили к выводу о том, что для взыскания внедоговорного вреда необходимо нарушение абсолютного права потерпевшего.

Такое толкование [ст. 15](#), [1064](#) ГК позволяло полагать, что российское право строится не по модели генерального деликта, а по противопоставляемой ей модели защищаемых благ, закрепленной в [абз. 1 § 823](#) Германского гражданского уложения (ГГУ). Это же наталкивало на мысль о том, что противоправность как реквизит гражданско-правового деликта относится не к поведению нарушителя, а к результату его поведения - нарушению чужого субъективного права <6>.

<6> Смирнов В.Т., Собчак А.А. Общее учение о деликтных обязательствах в

советском гражданском праве: Учеб. пособие. Ленинград, 1983. С. 26.

В такой логике оказывалось, что классический деликт обмана и предусмотренное [ст. 179](#) ГК право возмещения убытков, причиненных обманом при заключении сделки, является законодательно предусмотренным исключением из понимания противоправности как нарушения чужого субъективного права. Аналогичный подход, видимо, применялся бы и к законодательно предусмотренным случаям возмещения чистых экономических убытков, например вреда, причиненного потерей кормильца.

В этом плане интересно рассуждение Е.А. Флейшиц в ее известном споре с М.М. Агарковым о понятии противоправности. Отталкиваясь от исходной точки, согласно которой противоправность есть нарушение субъективного права, она, до этого включив в список возможных к нарушению прав относительные права без участия нарушителя, рассматривает казус с удостоверением нотариусом подложной копии документа, что стало причиной взыскания с гражданина денежных средств. Е.А. Флейшиц делает вывод, что нотариус нарушил субъективное право этого гражданина, а нарушенное субъективное право гражданина существует потому, что последний имеет возможность обратиться с жалобой на незаконное действие нотариуса, которая аналогична иску, подаваемому в защиту субъективного права <7>.

<7> Флейшиц Е.А. Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения // Курс советского гражданского права. М., 1951. С. 41 и след.

Против рассматриваемого толкования [ст. 15](#), [1064](#) могли быть высказаны определенные возражения: восприятие этих норм так, будто они ограничивают взыскание деликтных убытков подобно [абз. 1 § 823](#) ГГУ, даже при сопоставлении с правом Германии требовало некоторых добавлений в отечественный правопорядок. Авторы ГГУ оставили как минимум два основания взыскания убытков без нарушения абсолютных прав: вред, противный добрым нравам ([§ 826](#)), и вред, причиненный нормой с защитным эффектом в пользу потерпевшего ([абз. 2 § 823](#)).

Даже если считать [п. 4 ст. 10](#) ГК функциональным аналогом [§ 826](#) ГГУ, это оставляет определенное напряжение, поскольку этот пункт также устанавливает нарушение прав потерпевшего от злоупотребления как условие взыскания убытков. Нельзя не учитывать и выработанный в Германии инструмент обхода весьма жесткого ограничения сферы действия деликтного права - договор с защитным эффектом в пользу третьих лиц <8>.

КонсультантПлюс: примечание.

[Статья](#) Е.В. Бибиковой "Договор в пользу третьего лица в российском и европейском частном праве: сравнительно-правовой обзор" включена в информационный банк согласно публикации - "Вестник экономического правосудия Российской Федерации", 2017, N 12.

<8> Бибикова Е.В. Договор в пользу третьего лица в российском и европейском частном праве (сравнительно-правовой обзор) // Договоры и обязательства: Сб. работ выпускников РШЧП / Отв. ред. А.В. Егоров и А.А. Новицкая. Т. 1: Общая часть. М., 2018. С. 98 - 99.

Хотя и "французское", и "немецкое" прочтение [ст. 15](#) и [1064](#), как показывает опыт соответствующих правопорядков, вполне жизнеспособно, каждое из них в определенной мере влияет на другие институты гражданского права. Так, трехзвенная немецкая система требует более либерального подхода судов к понятию договора; это видно по договорам с защитным эффектом для третьих лиц, потому что условия распространения "договорного зонтика" определяются, помимо прочего, весьма изощренными правилами толкования договора. Французская система генерального деликта, напротив, во многих ситуациях требует ограничения рубрик и сумм взыскиваемых убытков.

В 2017 и 2018 гг. Верховный Суд РФ принял два резонансных акта, которые, по всей видимости, ставят под серьезное сомнение описанный выше второй (немецкий) подход к понятию противоправности и приближают российское деликтное право к генеральному деликту.

В 2017 г. вынесено Определение по делу "Бомарше" <9>, в котором, как известно, Верховный Суд признал за лицом, заключившим недействительный договор купли-продажи будущей недвижимости, деликтный иск к застройщику, создавшему видимость наличия права на эту будущую недвижимость у лица, которое якобы передало это право истцу. В 2018 г. состоялось решение по делу "Магадан-Тест" <10>, в котором Верховный Суд высказался по классическому вопросу о недостоверном совете: орган по сертификации выдал неверный сертификат об экологическом классе транспортного средства, а лицо, получившее транспортное средство от продавца, в последующем не смогло использовать его ввиду запрета со стороны ГИБДД. Лицо, неверно сертифицировавшее транспортное средство, было признано обязанным возместить убытки последнему приобретателю.

<9> [Определение](#) Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 22.05.2017 по делу N А51-273/2015.

<10> [Определение](#) Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 11.05.2018 N 306-ЭС17-18368.

Дело "Магадан-Тест" интересно среди прочего тем, что нижестоящие суды, видимо, руководствовались логикой субъективной противоправности: скорее всего, именно поэтому кассационный суд отметил, что у истца имеется право собственности на приобретенный им автомобиль <11>.

<11> [Постановление](#) АС Поволжского округа от 31.08.2017 по делу N А57-15013/2016.

Идея генерального деликта нашла неожиданную поддержку в декабре 2017 г. и у Конституционного Суда в [Постановлении](#) по известному делу Г.Г. Ахмадеевой <12>, посвященному недоплате налогов. Фабула дела состояла в том, что Г.Г.

Ахмадеева, являясь бухгалтером юридического лица, неверно составляла отчетность, а в последующем юридическое лицо не смогло уплатить налоги. Конституционный Суд поддержал вывод о том, что в этом случае - хотя никакое абсолютное право государства в лице налогового органа нарушено не было - налоговый орган имеет право на деликтный иск к бухгалтеру. В переводе на гражданско-правовые термины <13> это Постановление означает, что действия лица (бухгалтера), вследствие которых кредитор (налоговый орган) не смог получить причитающееся, являются деликтом <14>.

<12> [Постановление](#) КС РФ от 08.12.2017 N 39-П "По делу о проверке конституционности положений статей 15, 1064 и 1068 Гражданского кодекса Российской Федерации, подпункта 14 пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации, статьи 199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации и части первой статьи 54 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г.Г. Ахмадеевой, С.И. Лысяка и А.Н. Сергеева".

<13> Несмотря на различие гражданско-правового обязательства и отношения, возникающего между государством и налогоплательщиком в связи с неуплатой недоимки, для целей настоящего обзора проведение такой параллели представляется обоснованным.

<14> Побочным эффектом этой практики можно считать достаточно необычный случай: что-то вроде конкуренции исков, когда государству в лице налогового органа, пропустившего срок взыскания налоговой недоимки, предоставляется второй шанс в виде взыскания той же недоимки как убытков (см.: Пепеляев С.Г. *Метастазы // Налоговед. 2018. N 5*). Такой неожиданный вывод, представляющийся глубоко ошибочным, требует отдельного анализа.

Изложение фабул судебных дел показывает, что суды, по существу, признали принципиальную возможность взыскания чистых экономических убытков в российском праве. Это было сделано на примере дел, в которых поведение причинителя вреда было или умышленным, или грубо небрежным.

2. Соотношение требований. Дела "Бомарше" и "Магадан-Тест" оказали влияние и на вопрос о том, как соотносятся между собой деликтное и (чаще всего) договорное требования потерпевшего к разным лицам. В обоих делах истец заявлял требование против лица, не состоящего с ним в договорных отношениях, притом что требование истца к контрагенту по договору было направлено на удовлетворение того же экономического интереса.

В деле "Бомарше" таким контрагентом был М.Б. Горпиченко, у которого истец А.В. Ганьжин приобрел права на спорное будущее помещение; ситуация осложнялась еще и тем, что А.В. Ганьжин уже предъявил иск к М.Б. Горпиченко о возврате уплаченных за квартиру денег и выиграл его, однако смог через пристава-исполнителя получить лишь незначительную часть присужденной суммы.

В деле "Магадан-Тест" индивидуальный предприниматель В.А. Федоров мог бы предъявить требование из нарушения качества товара к продавцу ООО "Энерготехстрой", ликвидированному до рассмотрения дела.

То обстоятельство, что в обоих делах произошло "стечение" договорного

требования к контрагенту и деликтного - к третьему лицу, ставит вопрос о соотношении требования истца к своему контрагенту в относительном правоотношении (применительно к постановлению Конституционного Суда - требования налогового органа о взыскании недоимки) и к лицу, которое допустило нарушение, занявшее важное место в цепи обстоятельств, завершившихся убытками для истца.

Само по себе разрешение трех ситуаций судами не оставляет простора для фантазии: во всех случаях судами дан положительный ответ на вопрос о возможности удовлетворения деликтного иска в таких ситуациях <15>. В связи с этим встает вопрос: в каком отношении находятся между собой два анализируемых требования? <16>

<15> Как представляется, это позволяет прийти к выводу об отмирании подхода, ранее иногда демонстрировавшегося практикой (см.: Постановления АС Уральского округа от 12.04.2016 [N Ф09-2352/16](#) по делу N А07-14497/2014, от 16.11.2015 [N Ф09-8031/15](#) по делу N А07-19206/2014 - с ошибочной ссылкой на [Постановление](#) Президиума ВАС РФ от 18.06.2013 N 1399/13).

<16> Тололаева Н.В. [Отдельные вопросы применения иска](#) об убытках для защиты нарушенных прав дольщиков в многоквартирных домах: Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 22 мая 2017 г. N 303-ЭС16-19319 // Комментарий практики рассмотрения экономических споров (судебно-арбитражной практики) / Отв. ред. В.Ф. Яковлев. М., 2018. Вып. 24; СПС "КонсультантПлюс".

Ни в одном из дел нет признаков возложения на двоих ответчиков долевой ответственности, поэтому гипотетически мыслимы два варианта ответа на этот вопрос. С одной стороны, требования можно считать солидарными в том смысле, что истец свободен взыскивать средства с любого из ответчиков (договорный должник или причинитель) до полного получения удовлетворения. С другой стороны, возможно решение в пользу каскадности требований: истец сначала должен обратиться с требованием к договорному должнику и только после неудовлетворения этого требования предъявлять иск к деликтному причинителю <17>.

<17> Подход, согласно которому субсидиарная ответственность является частным случаем солидарной, поддержан Н.В. Тололаевой (Тололаева Н.В. Пассивные солидарные обязательства: российский подход и континентально-европейская традиция: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017); с учетом этого тезиса имеются некоторые сомнения в (хотя и систематически и исторически обоснованном) ограничительном толковании Н.В. Тололаевой термина "совместно" в [ст. 1080](#) ГК (см.: Тололаева Н.В. [Отдельные вопросы применения иска](#) об убытках...): видится вполне мыслимой концепция, допускающая одновременно расширительное толкование слов "совместно" (включая случайное стечение требований по разным основаниям) и "солидарно" (включая субсидиарность) в [ст. 1080](#).

Верховный Суд в деле "Бомарше" отметил следующее: "Предъявление иска к

Горпиченко М.Б. и присуждение к взысканию с последнего в пользу Ганьжина А.В. уплаченных по признанному недействительным договору купли-продажи денежных средств само по себе не препятствует привлечению должника к гражданско-правовой ответственности в виде возмещения вреда при доказанности факта правонарушения и невозмещении потерь контрагентом по сделке".

В деле "Магадан-Тест" Суд затронул вопрос о существовании у истца контрагента, требование к которому могло бы реализовать экономический интерес истца: "Объективная невозможность реализации предусмотренных законодательством о лизинге механизмов восстановления нарушенного права покупателя не исключает, при наличии к тому достаточных оснований, обращение за компенсацией имущественных потерь последнего в порядке, предусмотренном для возмещения внедоговорного вреда (статья 1064 ГК РФ), с лица, действия (бездействие) которого с очевидностью способствовали нарушению абсолютного права покупателя и возникновению у него убытков".

Конституционный Суд, рассматривая вопрос о соотношении требования о взыскании недоимки и требования о взыскании убытков с бухгалтера, указал: "...привлечение физического лица к гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный публично-правовому образованию в размере подлежащих зачислению в его бюджет налогов организации-налогоплательщика, возникший в результате уголовно-противоправных действий этого физического лица, возможно лишь при исчерпании либо отсутствии правовых оснований для применения предусмотренных законодательством механизмов удовлетворения налоговых требований за счет самой организации или лиц, привлекаемых к ответственности по ее долгам в предусмотренном законом порядке, в частности после внесения в единый государственный реестр юридических лиц сведений о прекращении этой организации, либо в случаях, когда организация-налогоплательщик фактически является недействующей, в связи с чем взыскание с нее или с указанных лиц налоговой недоимки и пени в порядке налогового и гражданского законодательства невозможно".

Из приведенных цитат наиболее прямо в пользу субсидиарности иска к причинителю вреда при наличии возможности удовлетворения требования за счет иных лиц высказался Конституционный Суд. Однако это вряд ли может свидетельствовать о существовании общего правила о субсидиарности: поскольку Конституционный Суд рассматривал ситуацию противостояния государства в лице налогового органа и гражданина, приведенная позиция может являться всего лишь результатом применения идеи о приоритете прав гражданина над интересами государства.

В делах, рассмотренных Верховным Судом, вопрос о солидарности или субсидиарности не ставился: в обоих случаях истцы уже не смогли получить удовлетворение от договорного должника и именно по этой причине предъявили требование к причинителю вреда. Верховный Суд даже *obiter dictum* не высказался по поставленному вопросу о соотношении требований <18>, оставив, вероятно, место для дальнейшего развития судебной практики <19>.

<18> Хотя как минимум в одном случае Пленум ВАС высказывался в пользу возможности истца не дожидаться проверки удовлетворения требования одним из ответчиков, т.е. в пользу полноценной солидарности (см.: п. 8 Постановления

Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 N 62 "О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица". См. также: Тололаева Н.В. [Отдельные вопросы применения иска об убытках...](#)

<19> Вряд ли будет полезным для ответа на этот вопрос и [Определение](#) ВС РФ от 05.06.2018 N 59-КГ18-5: сложность установления процессуальной ситуации из этого акта и краткость мотивировки Коллегии затрудняют отнесение этого Определения к поддерживающим вывод о солидарности или субсидиарности в рассматриваемой ситуации.

Однако представляется правильным отметить, что, даже если позиция о субсидиарном соотношении <20> требований к договорному должнику и к причинителю вреда верна, сделанный Верховным Судом в деле "Бомарше" вывод о взыскании убытков свидетельствует о том, что невозможность получения взысканного с договорного должника посредством судебных исполнителей достаточна для того, чтобы активировать субсидиарное обязательство нарушителя <21>.

<20> О разных моментах, в которые кредитор может предъявить требование к субсидиарному должнику, см.: Гражданское право: Учеб.: В 4 т. Т. 1. Общая часть / Отв. ред. Е.А. Суханов. М., 2004. С. 595 - 596 (автор соответствующей главы - Е.А. Суханов).

<21> Вероятно, высказанная по делу "Бомарше" позиция свидетельствует об отходе от продемонстрированного двумя месяцами ранее взгляда, требовавшего от истца дожидаться окончания банкротства основного должника (см.: [Определение](#) ВС РФ от 15.02.2017 N 305-ЭС16-14064 по делу N А40-119490/2015).

3. Чуть менее прямая причинно-следственная связь. Во Франции принцип генерального деликта приводит к взысканию убытков в потенциально широком круге ситуаций, важную роль в ограничении сумм и рубрик взыскиваемого вреда играет причинно-следственная связь <22>. По всей видимости, российское право, склоняющееся в последние два года к французскому пониманию генерального деликта, в обозримом будущем может также столкнуться с необходимостью более глубокого погружения в учение о причинно-следственной связи.

<22> Moreteau O. Basic Questions of Tort Law from a French Perspective // Basic Questions of Tort Law from a Comparative Perspective / Ed. by H. Koziol. Jan Sramek Verlag, 2015. P. 75 - 76.

Нередко воспроизводимый тезис о необходимости прямой и непосредственной причинно-следственной связи ставится под сомнение и, как представляется, самими судебными актами по делам "Магадан-Тест" и "Бомарше". В обоих делах убытки возникли в результате достаточно обширных событийных рядов, и у суда вполне была возможность атрибутировать негативные последствия на стороне истца какому-то иному обстоятельству, а не неправомерному действию причинителя. Наиболее простым, видимо, являлся бы вывод о том, что негативные имущественные последствия возникли у истцов не потому, что ответчики "выпустили в оборот" видимость несуществующего права в связи с будущей квартирой или сертифицировали некачественное транспортное средство

соответственно, а потому, что договорные должники истцов (которых истцы, видимо, выбрали добровольно) не смогли исполнить своих обязательств.

Верховный Суд так поступать не стал. В нескольких недавно рассмотренных делах он поправлял нижестоящие суды, проявившие чрезмерно жесткий подход к причинно-следственной связи.

Так, в 2018 г. Верховный Суд направил на новое рассмотрение дело со следующей фактурой. На участке ответчика, соседнем с участком истца, производилось строительство, после чего дом истца пошел трещинами. Нижестоящие суды в иске о возмещении убытков отказали, сославшись на то, что дом истца не соответствовал сейсмическим требованиям, применимым к соответствующему району. Верховный Суд с таким подходом не согласился: по его мнению, несоответствие жилого дома истца требованиям к строительству в сейсмических районах само по себе не свидетельствует об отсутствии причинно-следственной связи между действиями ответчика и причинением вреда имуществу истца, а также о том, что именно несоответствие жилого дома истца этим требованиям привело к повреждению этого дома <23>.

<23> [Определение](#) ВС РФ от 30.01.2018 N 20-КГ17-21; [Обзор](#) судебной практики ВС РФ N 4 (2018) (утв. Президиумом ВС РФ 26.12.2018).

Таким образом, Верховный Суд дал нижестоящим судам иллюстрацию правильного применения норм о причинно-следственной связи: при наличии в материалах дела доказательств нескольких событий в ряду, повлекших в итоге убытки, суду следует обосновать, почему одному из событий придано свойство юридически значимой причины; при этом отсутствие или неубедительность такого обоснования являются основаниями для отмены судебного акта.

Представляется правильным отметить, что в настоящее время в некоторых судебных актах прослеживается несколько более жесткий подход к причинно-следственной связи применительно к деликтам государства. Практике известны дела, в которых суды, подобно приведенному выше примеру о сейсмически опасном районе, лишь перечисляют некоторые обстоятельства в ряду событий, завершившихся вредом, и, не уделяя должного внимания мотивировке, объявляют юридически значимой причиной иные, помимо действий государства, обстоятельства. Такими обстоятельствами могут быть, например, легкая небрежность потерпевшего или наличие у него (призрачной) возможности получения удовлетворения от иного должника, помимо государства. Однако отсутствуют убедительные основания рассматривать причинно-следственную связь в рамках института ответственности за акты власти иначе, чем в иных областях гражданского права.

Интерес представляет рассмотренное Верховным Судом в 2018 г. <24> и попавшее в Обзор практики <25> дело, в котором решался вопрос, могут ли быть переложены на страховую компанию, несвоевременно выплатившую банку страховое возмещение в связи с гибелью автомобиля, суммы процентов, выплаченные банку заемщиком. Суд апелляционной инстанции решил, что требования гражданина к страховой компании ограничиваются процентами за несвоевременное пользование чужими денежными средствами, а между выплатой гражданином процентов банку и несвоевременной выплатой страховой компанией страхового возмещения отсутствует причинно-следственная связь. Суд

акцентировал внимание на том, что причиной выплаты гражданином процентов банку были условия кредитного договора, добровольно принятые заемщиком, а не просрочка страховой компании в выплате возмещения. Верховный Суд с этой логикой не согласился и отправил дело на новое рассмотрение, указав, что если бы страховщик выплатил страховое возмещение своевременно, на что вправе был рассчитывать истец, то у последнего не возникло бы необходимости обслуживать кредит и выплачивать излишние проценты.

<24> [Определение](#) ВС РФ от 03.04.2018 N 5-КГ18-17.

<25> [Обзор](#) судебной практики ВС РФ N 3 (2018) (утв. Президиумом ВС РФ 14.11.2018).

Как видится, помимо очередного подтверждения наличия у суда кассационной инстанции права пересматривать суждение нижестоящих судов о причинно-следственной связи, этот судебный акт примечателен выводом о том, что возникновение обязанности истца производить какие-либо выплаты из добровольно взятого им на себя обязательства само по себе не является препятствием для признания наличия причинно-следственной связи между нарушением обязательства или причинением вреда и такими выплатами <26>. Возможно, утверждение этой практики в какой-то момент приведет к вполне логичному заключению, что ставшие субъективно бесполезными для потерпевшего не только гражданско-правовые, но и налоговые платежи (например, транспортный налог за период ремонта поврежденного ответчиком транспортного средства) также могут быть взысканы в составе убытков.

<26> Подробнее см.: Жужжалов М.Б. [Влияние выплаты кредитором неустойки](#) в пользу своих контрагентов на размер убытков, возмещаемых ему должником. Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 15.12.2015 N 309-ЭС15-10298 // Вестник экономического правосудия РФ. 2016. N 2. С. 14 - 20.

REFERENCES

Bibikova E.V. Third Party Beneficiary Contract in Russian Private Law and European Private Law (A Comparative Legal Analysis) [Dogovor v pol'zu tret'yego litsa v rossiyskom i evropeyskom chastnom prave (srovnitel'no-pravovoy obzor)], in: Egorov A.V. and Novitskaya A.A. (eds.). Contracts and Obligations: Collected Graduate Papers. Russian School of Private Law [Dogovory i obyazatel'stva: Sbornik rabot vypuschnikov RShChP. T. 1: Obshchaya chast']. Moscow, 2018. P. 75 - 143.

Evstigneyev E.A. General Type of Tort: Current and Future Cases" [Printsip general'nogo delikta: sovremennoye sostoyaniye i perspektivy primeneniya]. Civil Law Review [Vestnik grazhdanskogo prava]. 2017. No. 4. P. 45 - 83; No. 5. P. 55 - 84.

Fleyshits E.A. Obligations Arising from Injury and Unjust Enrichment [Obyazatel'stva iz prichineniya vreda i iz neosnovatel'nogo obogashcheniya], in: A Course on Soviet Civil Law [Kurs sovetskogo grazhdanskogo prava]. Moscow, 1951. 240 p.

Moreteau O. Basic Questions of Tort Law from a French Perspective, in: Koziol H. (ed.). Basic Questions of Tort Law from a Comparative Perspective. Jan Sramek Verlag, 2015. P. 3 - 98.

Smirnov V.T. and Sobchak A.A. A Doctrine of Tort Liability in Soviet Civil Law [Obshcheye ucheniye o deliktnykh obyazatel'stvakh v sovetskom grazhdanskom prave: Ucheb. posobiye]. Leningrad, 1983. 152 p.

Sukhanov E.A. Civil Law: A Textbook in 4 vol. Vol. 1. General Part [Grazhdanskoye pravo: Ucheb.: V 4 t. T. 1. Obshchaya chast']. Moscow, 2004. 720 p.

Tololayeva N.V. Certain Issues in Claims for Damages against Infringement of Apartment Building Owner's Rights: A Commentary on SC Economic Division Regulation No. 303-ES16-19319 [Otdel'nyye voprosy primeneniya iska ob ubytkakh dlya zashchity narushennykh prav dol'shchikov v mnogokvartirnykh domakh: Kommentariy k Opredeleniyu sudebnoy kollegii po ekonomicheskim sporam VS RF ot 22 maya 2017 g. N 303-ES16-19319], in: Yakovlev V.F. (ed.). A Commentary on Economic Case Law (Commercial Court Case Law) [Kommentariy praktiki rassmotreniya ekonomicheskikh sporov (sudebno-arbitrazhnoy praktiki)]. Moscow, 2018. Iss. 24, available at "ConsultantPlus Legal Reference System".

Tololayeva N.V. Passive Solidarity: Russian Approach and Continental Tradition [Passivnyye solidarnyye obyazatel'stva: rossiyskiy podkhod i kontinental'no-evropeyskaya traditsiya: Dis. na soiskanie uchenoy stepeni kand. yurid. nauk]. Moscow, 2017. 174 p.

Zhuzhzhlov M.B. Could Penalty Payment to a Third Party be Recovered from the other Party to a Contract [Vliyaniye vyplaty kreditorom neustoyki v pol'zu svoikh kontragentov na razmer ubytkov, vozmeshchayemykh emu dolzhnikom. Kommentariy k Opredeleniyu Sudebnoy kollegii po ekonomicheskim sporam VS RF ot 15.12.2015 N 309-ES15-10298]. Herald of the Economic Justice of the Russian Federation [Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya RF]. 2016. No. 2. P. 14 - 20.
